

РЕАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ***Светлана Николаевна МИЩУК**

кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук,
Биробиджан, Российская Федерация
svetamic79@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8117-6352>
SPIN-код: 4557-0664

История статьи:

Получена 06.03.2018
Получена в доработанном
виде 16.04.2018
Одобрена 12.05.2018
Доступна онлайн
15.06.2018

УДК 325.14:331.556.4 (571.6)
JEL: J18, J61, R23

Ключевые слова:

миграционная политика,
Дальний Восток, миграция,
рынок труда, специалисты

Аннотация

Предмет. Миграционные процессы и их регулирование исторически являлись важными аспектами социально-экономического развития Дальнего Востока России. В разные исторические периоды государственное регулирование миграционных процессов характеризовалось особенностями социально-экономического развития регионов привлечения мигрантов. Большое количество работ посвящено анализу особенностей реализации государственной миграционной политики в целом на Дальнем Востоке, но слабо представлены ее региональные аспекты. В работе рассмотрены основные подходы к регулированию миграции на разных этапах социально-экономического развития данной территории, с акцентом на современном этапе.

Цели. Выявление современных тенденций в реализации государственной миграционной политики на Дальнем Востоке на федеральном и региональном уровнях. Анализ проводится в отношении регулирования международной трудовой миграции.

Методология. Исследование основано на анализе нормативно-правовых, статистических, литературных, эмпирических данных о динамике миграционных процессов в регионах Дальнего Востока России.

Результаты. Структура трудовых мигрантов по странам прибытия различается по регионам, что находит отражение в региональной специфике регулирования трудовой миграции. На региональном уровне проводится запретительная политика, в первую очередь, в отношении иностранных трудовых мигрантов, прибывающих в безвизовом порядке. Упрощенный режим привлечения квалифицированных и высококвалифицированных иностранных специалистов используется незначительно.

Выводы. Несмотря на применение в отдельных регионах Дальнего Востока ограничительных инструментов миграционной политики в отношении иностранных трудовых мигрантов, федеральное законодательство позволяет сохранять и расширять число иностранных граждан, прибывающих в визовом и безвизовом порядке.

© Издательский дом ФИНАНСЫ и КРЕДИТ, 2018

Для цитирования: Мищук С.Н. Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. – 2018. – Т. 16, № 6. – С. 1028 – 1040.
<https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028>

На всех этапах истории колонизации Дальнего Востока (ДВ) государство строго контролировало ее процессы, включая

направления и объемы переселения населения [1]. Зарубежная миграция при незначительном влиянии на формирование постоянного населения в данном российском регионе, оказывала и оказывает существенное влияние на состав, стоимость и распределение рабочей

* Статья выполнена в рамках Комплексной программы фундаментальных научных исследований ДВО РАН «Дальний Восток» на 2018–2020 гг., проект № 18-5-057.

силы [2]. Ранее нами была предложена периодизация освоения Дальнего Востока с позиции изменения миграционных процессов, начиная с конца XIX в. по настоящее время: I период (досоветский и ранний советский, с конца 1850-х гг. до 1926 г.); II период (советский, с 1927 г. до 1989 г.); III период (поздний советский и постсоветский, с 1990 г. по настоящее время) [3].

В первый период привлечение населения из европейской части России на Дальний Восток объяснялось необходимостью формирования трудового потенциала как основы развития хозяйственного комплекса региона и происходило для решения общественно-политических задач [4]. В результате принятых мер с 1863 по 1926 г. численность населения Дальнего Востока возросла в 25 раз. В этот период признавалась важность труда иностранных мигрантов, однако российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих, в первую очередь, от китайцев [3]. В 1892 г. было организовано Южно-Уссурийское переселенческое управление с целью подчинить колонизацию Дальнего Востока строгому государственному контролю и регулированию [1].

Во второй, советский, период государственная миграционная политика была ориентирована на увеличение числа лиц трудоспособных и репродуктивных возрастов, а также на перемещение специалистов, необходимых для развития индустриального сектора экономики Дальнего Востока [3]. В это время для населения Дальнего Востока государством были установлены льготы и надбавки к заработной плате, а также льготы различных министерств и ведомств, что способствовало закреплению населения в регионе. Проблема нехватки рабочей силы в значительной степени решалась с помощью принудительного переселения и использования труда заключенных исправительно-трудовых лагерей.

В первом десятилетии третьего, постсоветского, периода произошло

ослабление централизованного управления развитием региона, что в итоге привело к снижению миграционного притока, а затем и к формированию миграционной убыли населения на ДВ. Особое внимание в это время уделялось регулированию внешней трудовой миграции, как на федеральном, так и на региональном уровне, которое носило в определенной мере стихийный характер. Отсутствие системного подхода в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России, в том числе в сфере привлечения трудовых мигрантов, приводило и приводит к убыткам, которые несут не предприниматели, использующие труд нелегальных мигрантов, а государство.

В настоящее время исследователями подробно рассмотрены проблемы и возможные направления современной государственной миграционной политики в регионе. В работе А.П. Латкина и С.В. Кузьминой [5] отмечаются негативные последствия реализации миграционной политики для рынка труда Приморского края. А.С. Ващук и Г.Г. Ермак подчеркивают формирование разных форм солидаризации и интеграции трудовых мигрантов в местное сообщество. По мнению авторов, пореформенная государственная миграционная политика на Дальнем Востоке оказалась не в состоянии вывести общество из «исторической ловушки», то есть общественной ситуации с признаками конфликтности, формирующейся как ответ на существующие специфические стратегии адаптации у мигрантов в принимающем обществе и у принимающего общества в отношении мигрантов [6]. В коллективной монографии¹ представлены особенности движения иностранной рабочей силы и реализации миграционной политики на Дальнем Востоке. Авторы монографии отмечают, что регулирование численности иностранной рабочей силы было одним из направлений обеспечения социальной безопасности в регионе. В то же время, потребность в использовании иностранной

¹ Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.

рабочей силы, развитие двусторонних торгово-экономических и гуманитарных связей, а также упорядочение юридических аспектов пересечения границы привело к быстрому росту числа китайских трудовых мигрантов. Процесс привлечения и использования, в первую очередь, китайской рабочей силы на Дальнем Востоке носил ситуативный характер и зависел от региональной политики привлечения трудовых мигрантов, что было обусловлено наличием недостатков в системе управления миграционными процессами на федеральном и региональном уровнях. При этом на региональном уровне принцип безопасности вступал и вступает в противоречие с экономическими интересами регионов.

По мнению Т.М. Бормотовой, в настоящее время на федеральном уровне организационная деятельность по регулированию миграционных процессов не соответствует единым требованиям, направленным на объединение и концентрацию управленческих усилий. Для данной деятельности характерно доминирование ограничительных действий, отсутствие должного взаимодействия между органами власти и общественными организациями, научных исследований уровня трудовых ресурсов, прогнозных исследований трудового рынка на разных уровнях [7].

Несмотря на широкое освещение инструментов и результатов реализации государственной миграционной политики на ДВ [8–12], до сих пор слабо представлены сравнительные особенности реализации миграционной политики на региональном уровне. Исходя из этого, цель нашего исследования обозначена как выявление современных тенденций в реализации государственной миграционной политики на Дальнем Востоке на федеральном и региональном уровнях. Мы придерживаемся мнения С.А. Иванова и А.Е. Савченко [13] о том, что любой анализ является упрощением реальных событий, поэтому в данной работе мы рассматриваем характер регулирования международной трудовой миграции, не упоминая инструменты реализации

миграционной политики в отношении постоянной миграции.

В 2002 г. принят Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», что позволило проводить более планомерную и целенаправленную миграционную политику. Мы разделяем мнение И.А. Романова о необходимости смещения акцентов в государственном регулировании миграции с количественных показателей на качественные и применения метода целевого заселения [14]. Регулирование миграционных процессов в рамках данного метода предполагает стимулирование притока иностранных мигрантов, способствующих развитию в целом страны и отдельных ее регионов. Поправки в Федеральный Закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 1 июля 2010 г. направлены на управление целеполаганием миграционных потоков и привлечение иностранных работников по приоритетным профессионально-квалификационным группам в соответствии со спросом российской экономики [15]. Поправки касаются внесения в п. 1 ст. 13.2 данного Федерального закона нового понятия «высококвалифицированные иностранные специалисты», которыми признаются иностранные граждане, имеющие опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности. Обязательным условием привлечения высококвалифицированных специалистов является получение ими заработной платы не меньше размера, определенного в Законе. В апреле 2017 г. были внесены изменения относительно размера вознаграждения данной категории специалистов, который зависит от сферы деятельности данной категории специалистов².

Исходя из приоритетов развития российской экономики и потребности в определенных специалистах, приказом Минтруда России от 28.05.2015 № 324н утвержден перечень

² Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/a605996320180cd7015eadeb1564de9768ffadd/

профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан – квалифицированных специалистов, на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются. В перечень профессий входит около 80 наиболее дефицитных и востребованных специальностей³.

Характеристика структуры квалифицированных (КИС) и высококвалифицированных (ВКИС) иностранных специалистов в регионах ДВ и в целом по РФ в 2015 г. представлена в *табл. 1*. Максимальное число квалифицированных специалистов, получивших разрешение на работу, отмечено в ЦФО (43% от общей численности КС по РФ), СЗФО (16,9%), УрФО (15,6%). По нашим расчетам, доля ДФО в общей численности КС и ВКС РФ в 2015 г. составила 13,7% и 5,6%, соответственно.

Для большинства регионов Дальнего Востока, за исключением Сахалинской области, китайские специалисты преобладают в численности рассматриваемых категорий трудовых мигрантов. В отраслевой структуре КИС и ВКИС заняты в добыче полезных ископаемых, строительстве и проектировании, сельском хозяйстве, оптовой торговле, деятельности столовых и ресторанов. Условие высокой заработной платы определило профессиональную структуру мигрантов, среди которых преобладают директора, управляющие, инженеры, технологи.

Среди регионов ДВ Сахалинская область является лидером по абсолютному числу привлеченных КИС и ВКИС, их доля от общей численности данных категорий специалистов на ДВ составила 40,3% и 87,9% соответственно. Второе место по числу занятых КИС занимает Приморский край. Лидирующие позиции Сахалинской области объясняются, в первую очередь, наличием предприятий с высокой заработной платой,

являющейся важным критерием для высококвалифицированных специалистов при получении разрешения на работу. В структуре промышленного производства области доминирующее положение занимает нефтегазовый комплекс, на долю которого приходится около 85% общего объема промышленного производства региона. В 2015 г. среднемесячная начисленная заработная плата по области составляла 61,3 тыс. руб., в то время как в нефтегазовом комплексе области соответствующий показатель достигал 288,7 тыс. руб⁴.

В перспективе можно предположить сокращение на ДВ числа полученных разрешений на работу для мигрантов, прибывающих в визовом и безвизовом порядке. Вероятно увеличение числа КС и ВКС, прибывающих из стран с визовым режимом: с одной стороны, привлечение данной категории специалистов происходит вне квот на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами, утвержденных для регионов и отдельных предприятий и организаций. С другой стороны, в связи с принятием Федерального закона «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» в Федеральном законе от 31.12.2014 № 519-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» установлено, что получение разрешений на привлечение и использование иностранных работников не требуется. Статистически число трудовых мигрантов, прибывающих в безвизовом режиме и осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, также может снизиться из-за соглашений стран – участниц Евразийского экономического союза (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) об осуществлении трудовой деятельности без патента. Таким образом, на федеральном уровне реализуются мероприятия, направленные на увеличение числа иностранных трудовых мигрантов, создание льготных условий привлечения трудовых мигрантов из отдельных стран и

³ Перечень профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан – квалифицированных специалистов, трудоустройства по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу не распространяются. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420280927>

⁴ Инвестиционный портал Сахалинской области. URL: <http://investinsakhalin.ru/ru/about/economy/>

определенных профессий. В настоящее время упрощенный режим для привлечения КС и ВКС в дальневосточных регионах не используется работодателями в полной мере, однако, возможен рост числа мигрантов данных категорий в будущем.

На федеральном уровне новый период формирования демографической и миграционной политики на Дальнем Востоке начался в 2013 г. В сентябре 2013 г. на первом Восточном экономическом форуме Президент РФ В.В. Путин обозначил развитие Дальнего Востока России как приоритетное направление. Основные мероприятия государственного управления связаны, в первую очередь, с закреплением постоянного населения в регионе. С 2016 г. реализуется проект «Дальневосточный гектар», одна из целей которого – привлечение населения из других регионов России и его закрепление в регионе. По результатам исследования ВЦИОМ, проведенного в 2016 г.⁵, 70% респондентов, проживающих на Дальнем Востоке, ответили положительно о желании выехать за его пределы. Основные причины желания уехать связаны с низким уровнем жизни (не устраивает уровень заработной платы, недостаточный уровень развития инфраструктуры, дороговизна жизни, недостаточно возможностей для развития детей). Анализируя полученные результаты, можно говорить о наличии значительной доли потенциальных мигрантов среди проживающих на Дальнем Востоке россиян. В рамках исследования международной миграции под данной категорией мигрантов рассматривают людей, выражающих намерение покинуть страну (а не готовность это сделать) [16].

В июне 2017 г. распоряжением Правительства РФ утверждена Концепция демографического развития ДВ России до 2025 г., одной из задач которой является сокращение миграционной убыли в регионе. В это время продолжается оформление особой региональной миграционной политики, основу которой образуют законы о территориях

опережающего развития (2014 г.) и свободном порте (2015 г.) [8].

Говорить о результатах выполнения программ преждевременно, так как прошел незначительный период времени, и эффект от их реализации сейчас может быть рассмотрен лишь через количество созданных территорий опережающего развития, утвержденных инвестиционных проектов. Проведенный С.Н. Найден анализ доходов и расходов населения ДВ в 2016 г. в разрезе регионов [17] показал снижение реального уровня и качества жизни населения, что подтверждает отсутствие позитивных сдвигов в развитии ДВ для его населения.

Продолжая анализ миграционной политики на региональном уровне, отметим ужесточение требований к привлечению трудовых мигрантов, которые выражаются в виде запретов или ограничений на привлечение иностранных трудовых мигрантов.

Структура трудовых мигрантов по странам прибытия имеет различия в разрезе субъектов Дальнего Востока, что находит отражение в региональной специфике регулирования трудовой миграции. По результатам оценки числа трудовых мигрантов, имевших действующие разрешения на работу или действующий патент, в Приморском крае, Амурской и Еврейской автономной областях преобладали иностранные граждане, прибывшие в визовом порядке. В других шести дальневосточных регионах (Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Хабаровский край, Магаданская область, Сахалинская область и Чукотский автономный округ) большинство мигрантов осуществляли трудовую деятельность на основе действующего патента [18].

В середине 2000-х гг. региональные власти дальневосточных субъектов основное внимание уделяли вопросам китайской трудовой миграции, в то время как в настоящее время в большинстве случаев рассматриваются вопросы трудовой деятельности граждан СНГ. Так, еще в середине 2000-х гг. представители региональных органов власти высказывались

⁵ Социологический мониторинг миграционной ситуации на Дальнем Востоке. ВЦИОМ. Ноябрь 2016 г.

против миграции китайцев: вице-губернатор Сахалинской области И. Малахов предлагал восстановить приграничную зону всех островов, входящих в состав области; по мнению бывшего мэра г. Владивостока В. Черепкова, с экономической точки зрения китайцы «захватили Приморье на 30—40%», бывший губернатор Хабаровского края, а позже полномочный представитель Президента РФ по ДФО В. Ишаев с осторожностью относился к возможности предоставлять гражданство китайцам, заключившим браки с местными жителями [19].

В 2013 г. по причине нарушений земельного законодательства в Амурской области был введен запрет на привлечение китайских мигрантов в сельское хозяйство. Потребности области в трудовых ресурсах компенсировались за счет привлечения граждан СНГ и КНДР. В настоящее время причины запрета на труд мигрантов касаются не только экологических, но и социально-экономических аспектов (все чаще говорится о необходимости борьбы с теневым сектором в экономике в целом и в сельском хозяйстве в частности; о необходимости повышения налоговых платежей в бюджет региона и использовании труда местных жителей) [20].

В Магаданской области в 2015 г. введен запрет на прием мигрантов, работающих на основе патентов, в горнорудной и золотодобывающей отраслях на должности водителей, машинистов бульдозера и погрузочных машин.

В Сахалинской области, в соответствии с Указом губернатора Сахалинской области, на 2016 г. введен запрет на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по некоторым видам экономической деятельности (производство хлеба и хлебобулочных изделий, производство мучных кондитерских изделий, перевозка автомобильным пассажирским транспортом в междугородном сообщении, а также деятельность автобусного транспорта и такси, торговля алкогольными напитками и табачными изделиями).

Основная цель установления запрета связана с необходимостью поддержания оптимального баланса трудовых ресурсов в регионе путем трудоустройства в приоритетном порядке российских граждан, а также задачей сокращения числа нарушений миграционного законодательства. Обратим внимание, что запрет затрагивает лишь часть трудовых мигрантов. Не ограничена трудовая деятельность иностранных граждан, имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство; граждан, прибывающих из стран государств – членов Евразийского экономического союза (Армения, Киргизия, Белоруссия, Казахстан), а также граждан, прибывающих из стран с визовым порядком въезда. Например, граждан Киргизии, занимающей лидирующую позицию среди стран СНГ по количеству приезжающих в Сахалинскую область, запрет не коснется. Не изменится число мигрантов из КНДР и Китая, преимущественно занятых в строительстве и прибывающих в визовом режиме.

В марте 2017 г. на основании Указа главы Республики Саха (Якутия) на 2017 г. также введен запрет на привлечение иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов. Запрет распространяется на 14 пунктов из перечня видов деятельности, в том числе на транспортные перевозки, образование, здравоохранение, торговлю, выращивание овощей и рыболовство. Установление запрета связано с высоким уровнем безработицы по республике и необходимостью стабилизации ситуации на республиканском рынке труда.

В настоящее время миграционная политика на федеральном и региональном уровнях различается. На региональном уровне получает распространение запретительная практика с целью защиты местного рынка труда, в то время как федеральные законы расширяют возможности трудовой деятельности иностранных граждан из отдельных стран.

Исходя из этого, возможно изменение географической структуры трудовых мигрантов на ДВ в сторону увеличения доли стран дальнего зарубежья, так как резиденты территорий опережающего социально-

экономического развития и основные инвесторы – это представители стран дальнего зарубежья. Мигранты из стран СНГ также будут заняты на дальневосточном рынке труда, так как большинство из них не подпадают под запрет трудовой деятельности для мигрантов из стран безвизового режима, так как они являются гражданами государств – членов Евразийского экономического союза (Армения, Киргизия, Белоруссия, Казахстан).

Таблица 1

Характеристика территориальной и профессиональной структуры квалифицированных и высококвалифицированных трудовых мигрантов в регионах Дальнего Востока, 2015 г.

Table 1

Characteristics of territorial and professional structure of skilled and highly skilled labor migrants in regions of the Far East, 2015

Регионы	Число разрешений на работу КИС/ВКИС	Доля КИС/ВКИС от численности ИРС	Территориальная структура КИС
РФ в целом	22 099/43 555	1,2%/2,4%	ЦФО – 43%, СЗФО – 16,9%, УрФО – 15,6%, КНР – 21%
Амурская область	187/0	2,5%/0	КНР – 86,6%
ЕАО	178/2	4,9%/0,05%	КНР – 98,9%, КНДР – 1,1%
Камчатский край	3/1	0,05/0,02	КНР, КНДР
Магаданская область	0/2	0/0,03%	–
Приморский край	1 036/199	6,5%/1,3%	КНР – 75,2%, КНДР – 19,6%
Сахалинская область	1 219/2 130	8,8%/15,4%	в безвизовом порядке – 97,8%, в визовом порядке – 2,2%
Хабаровский край	226/69	1,1%/0,3%	КНР – 77,1%, КНДР – 16,4%, Малайзия – 3,1%
Республика Саха (Якутия)	175/19	2,3%/0	КНР – 99,4%

Продолжение

Регионы	Территориальная структура ВКИС	Профессиональная структура КИС	Профессиональная (и/или отраслевая) структура ВКИС
РФ в целом	86,3% – из стран с визовым режимом. КНР – 22,9%, Вьетнам – 15,8%, Турция – 7,2%, Филиппины – 6,7%, Украина – 5,2%	Техник-технолог, генеральный директор, инженер-технолог	96,6% с годовым доходом выше 2 млн руб.
Амурская область	–	Директор, инженер	–
ЕАО	КНР	Генеральный директор, техник, инженер-технолог, инженер-электрик	Массажист, менеджер
Камчатский край	Германия	Строительство	Технолог
Магаданская область	Австрия, ЮАР	–	Добыча полезных ископаемых
Приморский край	КНР – 44,7%, Япония – 8,1%, Вьетнам и Великобритания – 5,1%	Сельское хозяйство, обрабатывающие производства, строительство	Генеральный директор, управляющий делами, шеф-повар, инженер, менеджер, директор
Сахалинская область	–	Строительство, оптовая и розничная торговля, добыча полезных ископаемых	Строительство, предоставление услуг, связанных с добычей газа и нефти, электромонтажные работы, деятельность столовых и ресторанов

Хабаровский край	Республика Корея, Франция, Япония, Испания, Швеция, США	Инженер, техник-технолог, генеральный директор, директор по экономике	Строительство и проектирование строительных сооружений, культура и спорт, геологоразведка, сельское хозяйство, оптовая торговля
Республика Саха (Якутия)	КНР – 57,9%	Директор, инженер, управляющий	Сфера услуг

Примечание. КИС – квалифицированные специалисты, ВСИК – высококвалифицированные специалисты, ИРС – иностранная рабочая сила.

Источник: таблица составлена автором на основе докладов территориальных управлений Федеральной миграционной службы о миграционной ситуации в регионах Дальнего Востока в 2015 г., итогового доклада о миграционной ситуации, результатах и основных направлениях деятельности Федеральной миграционной службы за 2015 г. Отраслевая структура ИРС и названия специальностей взяты из докладов

Source: Authoring, based on reports of territorial departments of the Federal Migration Service on the migration situation in regions of the Far East in 2015, the final report on the migration situation, results and principal directions of activities of the Federal Migration Service for 2015. The sectoral structure of immigrant workforce and occupational titles are taken from the reports

Список литературы

1. *Свидерская В.В.* Демографическая политика в условиях наращивания экономического потенциала Дальневосточного региона в 60–80-е годы XX века // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2010. № 2. С. 134–139.
URL: <http://www.eastjournal.ru/journalE.htm>
2. *Ларин В.Л.* Тихоокеанская Россия в российско-китайских отношениях: затянувшееся ожидание прорыва // Россия и АТР. 2014. № 3. С. 5–21.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tihookeanskaya-rossiya-v-rossiysko-kitayskih-otnosheniyah-zatyanuvsheesya-ozhidanie-proryva>
3. *Мишук С.Н.* Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX–начале XXI вв. // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2013. № 6. С. 33–42.
4. *Минакир П.А., Прокапало О.М.* Региональная экономическая динамика. Дальний Восток. Хабаровск: ДВО РАН, 2010. 304 с.
5. *Латкин А.П., Кузьмина С.В.* Трудовая миграция из КНР в российское Приморье: основные предпосылки и новые подходы к регулированию // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. № 12. С. 61.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/trudovaya-migratsiya-iz-kr-v-rossiyskoe-primorie-osnovnye-predposylki-i-novye-podhody-k-regulirovaniyu>
6. *Ващук А.С., Ермак Г.Г.* Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124.
URL: http://icarp.su/en/Journal/Archive/rp_19_4_2016/117-124.pdf
7. *Бормотова Т.М.* Регулирование миграционных процессов в системе управления Российской Федерации: новые модели // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 4. С. 59–67.
URL: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67>

8. Киреев А.А. Пограничная политика России на Дальнем Востоке: динамика задач и результатов // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 3. С. 95–108.
9. Мотрич Е.Л., Ивагин А.П. Миграция, межэтнические отношения и государственная национальная политика в Хабаровском крае // Регионалистика: электронный научный журнал. 2015. Т. 2. № 4. С. 51–58. URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2015.4>
10. Дудин М.Н. Современные аспекты социально-демографической ситуации в дальневосточных регионах России // Региональная экономика: теория и практика. 2016. Т. 14. Вып. 11. С. 160–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-aspekty-sotsialno-demograficheskoy-situatsii-v-dalnevostochnyh-regionah-rossii>
11. Воробьева О.Д. Рынок труда и миграция населения Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2. С. 35–40.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rynok-truda-i-migratsiya-naseleniya-dalnego-vostoka>
12. Lukyanets A. The Demographic Development of the Russian Far East. *The Northeast Asian Economic Review*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 75–83.
URL: https://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2013/03/naer11-5_tssc.pdf
13. Иванов С.А., Савченко А.Е. Эффективность государства как проблема новейшей истории России и Китая: сравнительный анализ // Россия и АТР. 2012. № 1. С. 155–165.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-gosudarstva-kak-problema-noveyshey-istorii-rossii-i-kitaya-sravnitelnyy-analiz>
14. Романов И.А. Особенности государственного регулирования миграции на Дальнем Востоке // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 52–56.
URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/563/589/1231/005.ROMANOV.pdf>
15. Галас М.Л. Социально-экономические и политико-правовые аспекты посткризисной миграции // Вестник Финансового университета. 2017. Т. 21. Вып. 3. С. 216–235.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-ekonomicheskie-i-politiko-pravovye-aspekty-postkrizisnoy-migratsii>
16. Lovo S. Potential Migration and Subjective Well-Being in Europe. *IZA Journal of Migration*, 2014, vol. 3, iss. 3, pp. 1–18.
URL: <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-014-0024-5>
17. Найден С.Н. Мониторинг доходов и расходов населения Дальнего Востока: итоги 2016 года // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 4. С. 5–28. URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2017.4>
18. Комарова Т.М., Мищук С.Н. Влияние миграции на безопасность принимающей территории (на примере Дальневосточного региона) // Региональные проблемы. 2017. Т. 20. № 4. С. 108–114. URL: http://icarp.su/en/Journal/rp_20_4_2017/108-114.pdf
19. Мищук С.Н. Международная трудовая миграция в регионе: проблемы трансграничного взаимодействия // Региональная экономика. 2010. Т. 8. № 36. С. 37–43.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhdunarodnaya-trudovaya-migratsiya-v-regione-problemy-transgranichnogo-vzaimodeystviya>
20. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, iss. 3. pp. 471–493.
URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.661926>

Информация о конфликте интересов

Я, автор данной статьи, со всей ответственностью заявляю о частичном и полном отсутствии фактического или потенциального конфликта интересов с какой бы то ни было третьей стороной, который может возникнуть вследствие публикации данной статьи. Настоящее заявление относится к проведению научной работы, сбору и обработке данных, написанию и подготовке статьи, принятию решения о публикации рукописи.

**IMPLEMENTATION OF MODERN MIGRATION POLICY IN THE RUSSIAN FAR EAST:
FEDERAL AND REGIONAL ASPECTS****Svetlana N. MISHCHUK**

Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
 Birobidzhan, Jewish Autonomous Oblast, Russian Federation
 svetamic79@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8117-6352>

Article history:

Received 6 March 2018
 Received in revised form
 16 April 2018
 Accepted 12 May 2018
 Available online
 15 June 2018

JEL classification: J18, J61,
 R23

Keywords: migration policy,
 migration, labor market,
 specialist

Abstract

Importance Migration processes and their regulation have historically been an important aspect of socio-economic development of the Russian Far East. At different stages of historical development, State regulation of migration processes was characterized by the specifics of socio-economic development of regions that attracted migrants. The paper considers main approaches to regulation of migration at different stages of socio-economic development of the territory, focusing on the present stage.

Objectives The aim is to identify current trends in the implementation of the State migration policy in the Far East at the Federal and regional level.

Methods The research rests on the analysis of regulatory, statistical, and empirical data on the dynamics of migration processes in regions of the Russian Far East.

Results The structure of labor migrants by their home countries differs from region to region. This is reflected in the regional specifics of immigrant workforce regulation. At the regional level, restrictive policies are pursued, especially with regard to foreign labor migrants arriving under a visa-free regime. A simplified regime for attracting qualified and highly qualified foreign specialists is not actively used in the Far Eastern regions of Russia.

Conclusions Despite the use of restrictive migration policy instruments in some regions of the Far East, the Federal legislation allows to maintain and expand the number of foreign citizens in the local labor market arriving under visa and visa-free regimes.

© Publishing house FINANCE and CREDIT, 2018

Please cite this article as: Mishchuk S.N. Implementation of Modern Migration Policy in the Russian Far East: Federal and Regional Aspects. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2018, vol. 16, iss. 6, pp. 1028–1040.
<https://doi.org/10.24891/re.16.6.1028>

Acknowledgments

This article has been prepared under the Comprehensive Fundamental Scientific Research Program of the Far East Branch of RAS “Far East” for 2018–2020, project No. 18-5-057.

References

1. Sviderskaya V.V. [The Demographic Policy Under the Conditions of Increasing of Economic Potential of the Far East Region in 1960–1980s]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = The Humanities and Social Studies in the Far East*, 2010, no. 2, pp. 134–139.
 URL: <http://www.eastjournal.ru/siteE/docsE/contArtE/2010E/2E/22Sviderskaya%20.htm>
 (In Russ.)
2. Larin V.L. [Russia's Pacific in the Russian-Chinese relations: Prolonged waiting of breakthrough]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2014, no. 3, pp. 5–21.
 URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tihookeanskaya-rossiya-v-rossiysko-kitayskih-otnosheniyah-zatyanuvsheesya-ozhidanie-proryva> (In Russ.)

3. Mishchuk S.N. [Inner and international migration in the Russian Far East in the mid 20th – early 21st century]. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2013, no. 6, pp. 33–42. (In Russ.)
4. Minakir P.A., Prokapalo O.M. *Regional'naya ekonomicheskaya dinamika. Dal'nii Vostok* [Regional economic dynamics. Far East]. Khabarovsk, FEB RAS Publ., 2010, 304 p.
5. Latkin A.P., Kuzmina S.V. [Labor migration from China in the Russian Riviera: The main preconditions and new approaches to regulation] *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal*, 2014, no. 12, p. 61. (In Russ.)
URL: <http://uecs.ru/regionalnaya-ekonomika/item/3259-2014-12-24-07-29-51>
6. Vashchuk A.S., Ermak G.G. [Host community and labor migrants in the Russian Far East: Multidisciplinary analysis of the historical situation in the early 21st century]. *Regional'nye problemy*, 2016, vol. 19, no. 4, pp. 117–124.
URL: http://icarp.su/en/Journal/Archive/rp_19_4_2016/117-124.pdf (In Russ.)
7. Bormotova T.M. [Regulation of migration processes in the management system of the Russian Federation: New models]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya = Social Politics and Sociology*, 2017, vol. 16, iss. 4, pp. 59–67. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.17922/2071-3665-2017-16-4-59-67>
8. Kireev A. [The Border Policy of Russia in the Far East: Dynamics of Tasks and Results]. *Problemy Dal'nego Vostoka = Far Eastern Affairs*, 2017, no. 3, pp. 95–108. (In Russ.)
9. Motrich E.L., Ivagin A.P. [Migration, interethnic relations and State national policy in the Khabarovsk territory]. *Regionalistika*, 2015, vol. 2, iss. 4, pp. 51–58. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2015.4>
10. Dudin M.N. [The socio-demographic situation in the Russian Far East regions: Modern aspects]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2016, vol. 14, iss. 11, pp. 160–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-sotsialno-demograficheskoy-situatsii-v-dalnevostochnyh-regionah-rossii> (In Russ.)
11. Vorob'eva O.D. [Labour market and migration in the Far East]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii = Level of Life of the Population of Regions of Russia*, 2017, no. 2, pp. 35–40.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rynok-truda-i-migratsiya-naseleniya-dalnego-vostoka> (In Russ.)
12. Lukyanets A. The Demographic Development of the Russian Far East. *The Northeast Asian Economic Review*, 2013, vol. 1, no. 1, pp. 75–83.
URL: https://www.erina.or.jp/wp-content/uploads/2013/03/naer11-5_tssc.pdf
13. Ivanov S.A., Savchenko A.Yev. [The efficiency of the State – the problem of modern history of Russia and China: Comparative analysis]. *Rossiya i ATR = Russia and the Pacific*, 2012, no. 1, pp. 155–165. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/effektivnost-gosudarstva-kak-problema-noveyshey-istorii-rossii-i-kitaya-sravnitelnyy-analiz> (In Russ.)
14. Romanov I.A. [Issues of State regulatory measures towards migration in the Far East]. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2004, no. 11, pp. 52–56.
URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/563/589/1231/005.ROMANOV.pdf> (In Russ.)

15. Galas M.L. [Socio-economic and political-legal aspects of post-crisis migration]. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*, 2017, vol. 21, iss. 3, pp. 216–235.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsialno-ekonomicheskie-i-politiko-pravovye-aspekty-postkrizisnoy-migratsii> (In Russ.)
16. Lovo S. Potential Migration and Subjective Well-Being in Europe. *IZA Journal of Migration*, 2014, vol. 3, iss. 3, pp. 1–18.
URL: <https://izajodm.springeropen.com/articles/10.1186/s40176-014-0024-5>
17. Naiden S.N. [Monitoring of incomes and expenses of the population of Russian Far East: results of 2016]. *Regionalistika*, 2017, vol. 4, iss. 4, pp. 5–28. (In Russ.)
URL: <https://doi.org/10.14530/reg.2017.4>
18. Komarova T.M., Mishchuk S.N. [Influence of migration on the security of the receiving territory (a case study of the Far East region)]. *Regional'nye problemy*, 2017, vol. 20, iss. 4, pp. 108–114.
URL: http://icarp.su/en/Journal/rp_20_4_2017/108-114.pdf (In Russ.)
19. Mishchuk S.N. [International labor migration in the Far East region: Problems of cross-border cooperation]. *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika = Regional Economics: Theory and Practice*, 2010, vol. 8, iss. 36, pp. 37–43.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/mezhdunarodnaya-trudovaya-migratsiya-v-regione-problemy-transgranichnogo-vzaimodeystviya> (In Russ.)
20. Kuhrt N. The Russian Far East in Russia's Asia Policy: Dual Integration or Double Periphery? *Europe-Asia Studies*, 2012, vol. 64, iss. 3, pp. 471–493.
URL: <https://doi.org/10.1080/09668136.2012.661926>

Conflict-of-interest notification

I, the author of this article, bindingly and explicitly declare of the partial and total lack of actual or potential conflict of interest with any other third party whatsoever, which may arise as a result of the publication of this article. This statement relates to the study, data collection and interpretation, writing and preparation of the article, and the decision to submit the manuscript for publication.